
SCIENTIFIC REPORTS

МИРОПОРЯДОК И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРЕФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОГО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА И СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

В.В. Жданов

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Одной из наиболее заметных и важных черт предфилософских категорий является их ярко выраженная полисемия.

Эта фундаментальная особенность предфилософии как особой формы духовной культуры древнего человека одинаково четко проявляется в самых разных культурах средиземноморского региона — как в собственно «философских», так и традиционно и вполне справедливо относящихся с позиций историко-философской науки к разряду «дофилософских» — как, например, Древний Египет, где предфилософская мысль в силу ряда факторов не трансформировалась в формат философского мировоззрения. Так, фундаментальная для всей древнеегипетской духовной культуры предфилософская категория «Маат», хотя и первоначально формируется в рамках «классической» мифологемы, однако в текстах теокосмогонического содержания обладает четко очерченным набором из трех основных значений: «миропорядок», «справедливость» и примыкающее к ним уже в эпоху Нового царства «истина». Сакральный миропорядок, устанавливаемый демиургом на месте изначального хаоса, есть одновременно и миропорядок справедливый — так в «онтологический» мотив египетских теокосмогоний в качестве неотъемлемой их части включается и морально-этическая проблематика.

Пожалуй, особенно ярко эта особенность древнеегипетских космогонических текстов проявилась в эпоху Среднего царства в отдельных заклинаниях «Текстов саркофагов», основного памятника осирической религии и теологии этой эпохи.

Так, заклинание под порядковым номером 1130 является одним из самых ярких примеров пристального обращения древнеегипетской мысли рубежа III—

II тыс. до н.э. к вопросу о генезисе справедливости в рамках общей картины происхождения мира и, как следствие, — к проблеме этических, морально-нравственных аспектов самого процесса творения. Наиболее важная в данном отношении часть текста выглядит следующим образом:

Говорение слов (носящим) тайные имена. Владыка всего до предела (его), сказал он, (дабы) успокоить волнение команды барки (1): «Да будете вы невредимы и довольны! Повторю я вам о четырех прекрасных деяниях моего собственного сердца, окруженного змеем, (чтобы заставить) замолчать беспорядок. Совершил я четыре прекрасных деяния в ограде горизонта. Сотворил я четыре ветра, чтобы каждый человек мог дышать во время свое. Это — одно из (деяний). Сотворил я великую воду разлива, чтобы бедняк мог пользоваться ею так же, как и богач. Это — одно из (деяний). Сотворил я каждого человека подобным брату его и запретил им творить беспорядок, (но) сердца их воспротивились сказанному мной. Это — одно из (деяний). Сделал я, чтобы сердца их забывали о Западе (2), дабы делались подношения богам номов. Это — одно из (деяний)» [4. Р. 461—464] (3).

Терминология этого текста не может не вызывать ассоциаций с древнейшими образцами гелиопольской теокосмогонии. Прежде всего, примечателен сам титул солярного демиурга — это та же самая формула «Владыка всего до предела (его)», или «Всевлдыка» (*неб эр джер*), которой предваряется начало монолога Хепри о творении мира в папирусе Бремнер-Ринд (26.21).

Оба текста подчеркивают, что творение мира не является по своей сути завершенным процессом. Акт упорядочивания Нуна Солнечным богом и установления на его месте Маат (сакрального миропорядка), имевший место однажды в прошлом, отнюдь не означает окончания на этом всего процесса творения. Нун не уничтожается демиургом, он лишь вытесняется на периферию создаваемого универсума, где продолжает ежедневно и еженощно оказывать влияние на его существование.

В случае с заклинанием 1130 перед нами предстает едва ли не единственный фрагмент из числа фрагментов «Текстов саркофагов» космогонического содержания, где речь идет не просто о процессе космогенеза, но и о сотворении человека — и это опять-таки роднит данное заклинание с космогонией папируса Бремнер-Ринд.

Даже несмотря на то, что здесь нет, в отличие от папируса Бремнер-Ринд (27.2—27.3), упоминаний о «технологии» этого процесса, тем не менее, к теме антропогенеза этот фрагмент имеет самое прямое отношение. Волнение, охватившее богов, находящихся вместе с Солнечным богом на борту его священной ладьи — это, по сути дела беспокойство по поводу устойчивости установленного им на месте изначального хаоса миропорядка, его стабильности. И ответ демиурга представляет собой своеобразную гарантию того, что созданный однажды мир не падет под натиском сил хаоса и мрака. В качестве таковой выступает тезис о том, что Маат как установленный в прошлом и сохраняемый и поныне демиургом миропорядок стабилен не столько онтологическими качествами, сколько своими морально-нравственными характеристиками.

Выражая в общем виде идею изначального равенства людей как продуктов созидательной деятельности Солнечного бога по упорядочиванию Нуна, заклин-

вание 1130 одновременно интегрирует ее в более всеохватное по своему характеру и направленности утверждение общих физических принципов существования мира — обуславливаемых, прежде всего, природными факторами с одной стороны и факторами социальных отношений — с другой. Это ясно следует из четверичной структуры схемы благих деяний Солнечного бога, где первые два деяния относятся к природным факторам существования мира и человека в нем, а два последних — к факторам социальным. Упоминание о «четыре ветрах», созданных демиургом, может означать не только намек на четыре стороны света, но также и подразумевает особую жизненную силу ветра.

Второе деяние связано с таким поистине судьбоносным для всякого без исключения египтянина явлением природы, как ежегодный разлив Нила: это не только указание на воду как на источник жизни в ее обыденном, эмпирическом понимании, но и обозначение ее в качестве «первостихии», служащей генетической основой всего мира.

С третьим и четвертым деяниями Солнечного бога ситуация складывается иная. Идея творения всех людей равными в своих физических и социальных возможностях, безусловно, нова для дискурса египетской дидактической и социально-политической мысли и в ее появлении именно на рубеже Первого переходного периода и Среднего царства нельзя не усматривать реакции египетской «интеллектуальной элиты» на крах культурной и политической модели Древнего царства, ставший серьезным потрясением как для рядовых египтян, так и для царской власти, носители которой неизбежно должны были теперь выбирать другие ценностные ориентиры. В упоминании же об отказе людей соблюдать запрет демиурга на творение беспорядка явно слышатся отголоски «Легенды об истреблении человечества», весьма известного египетского ритуального текста, входившего в состав так называемой «Книги коровы» и содержательно относящемуся к солярной религии и теологии; к этому сюжету мы еще вернемся при анализе «Гимна творцу» из «Поучения царю Мерикаре». Указание на «забывание о Западе» и на необходимость отправления локальных культов также можно рассматривать через призму поисков этой новой системы ценностей, хотя, конечно же, в этом можно усматривать и «покушение» на сложившиеся устои осирической религии, не носящее, впрочем, радикального характера.

Итак, здесь мы четко можем выделить два основных мотива: а) указание на «непрерывность» процесса творения как необходимость постоянно поддерживать однажды установленный миропорядок; б) определение справедливого характера этого миропорядка и ориентированность его на человека. Очень важно, что эти незнакомые более ранним образцам гелиопольской теокосмогонии идеи встречаются в этот период не только в заклинании 1130 «Текстов саркофагов»; они также выражены еще в одном весьма примечательном тексте эпохи конца Первого переходного периода, относящемся к совершенно иному жанру литературы — к жанру так называемых «царских поучений», то есть сборников сентенций, наставлений и рекомендаций, оставляемых царями для своих наследников. Речь идет о «Поучении царю Мерикаре», одном из наиболее известных произведений древнеегипетской литературы эпохи Первого переходного периода и Среднего царства [5], традиционно датируемом временем правления IX (гераклео-

польской) династии (около 2170—2025 гг. до н.э.). Интересующий нас отрывок текста занимает в нем строки 130—138 и представляет собой описание справедливого миропорядка и указание на творца, этот миропорядок однажды установившего:

(Хорошо) обеспечены люди — паства Бога: сотворил он небо и землю ради сердец их, потеснил он жадность вод, создал он для них дыхание жизни. (Они) — подобия его, вышедшие из членов его. Восходит он в небе ради сердец их. Сотворил он для них растения, скот, птиц и рыб, дабы насытить их. Убил он врагов своих (и) покарал он детей своих, (когда) подняли они мятеж (против него). Сотворил он дневной свет для сердец их, поднимается он, дабы видеть их. Построил он часовню свою подле них, и когда они стенают — он слышит. Сотворил он для них правителей, (обретших власть) еще в (яйце) — руководителей, помогающих нуждающемуся. Создал он для них заклинания против руки судьбы, им предназначенных, из-за которых не спят ни днем, ни ночью. Убил он восставших (против него) подобно тому, как бьет человек сына своего ради брата своего. Бог знает каждое имя [5. S. 73—75] (4).

Идея антропоцентризма при описании процедуры творения мира, лишь в самом общем виде обозначенная в заклинании 1130 «Текстов саркофагов», здесь получает свое логическое продолжение. Любопытно, что описание действий демиурга в тексте носит одновременно как черты гелиоморфизма («восходит», «поднимается, чтобы видеть»), так и более антропоморфные детали активного действия («создал», «построил», «покарал», «убил»). Эта своеобразная диалектика гелио- и антропоморфизма в описании черт творца, безусловно, не была характерна для «классических» образцов гелиопольской теокосмогонии эпохи Древнего царства, но вполне резонно может проистекать из них, особенно если учитывать то, что в данном случае мы имеем дело, по образному выражению Г. Франкфорта, с «логикой мифопоэтической мысли» [2. С. 31].

Явной отсылкой именно к гелиопольской модели космогенеза выглядит упоминание о том, что творец «сотворил небо и землю» и «потеснил жадность вод»; несомненно, что под последней из приведенных формулировок подразумевается Нун, являющийся водной праосновой мира в гелиопольской солярной теокосмогонии. Упоминание же о создании «дыхания жизни» не может не вызывать вполне обоснованных ассоциаций с ролью и местом бога воздуха Шу в заклинании 80 «Текстов саркофагов».

Наконец, еще одним свидетельством дискурсивной близости данного текста с гелиопольской теокосмогонической концепцией может служить двойное упоминание в нем об убийстве и наказании мятежников, сотворенных самим демиургом — это опять-таки не что иное, как ссылка на сюжет «Легенды об истреблении человечества» из так называемой «Книги коровы», наподобие той, что содержится и в заклинании 1130 «Текстов саркофагов».

При этом, однако, автор «Поучения» идет в своем обосновании идеи антропоцентризма творения гораздо дальше, нежели неизвестные создатели заклинания 1130 «Текстов саркофагов». Здесь напрашивается сопоставление с монологом Хепри (папирус Бремнер-Ринд 27.2—27.3), в котором этот процесс описывается как рождение людей из слез, вытекших из ока Солнечного бога, но нынешняя

модель все же иная — это происхождение людей непосредственно из членов, или частей тела (*аут*) демиурга, но и она носит ярко выраженный физиологический характер без малейшего оттенка перформативности, так свойственного космогонической концепции «Памятника мемфисской теологии». А вот упоминание о человечестве как о «пастве» демиурга уже, несомненно, гораздо ближе по своей смысловой направленности именно к заклинанию 1130 «Текстов саркофагов»: здесь выражена та же самая идея, а именно: творение мира не является одномоментным процессом, актом, после которого демиург «самоустраняется» от продуктов собственного творения; напротив, он продолжает заботиться о них и дальше, продолжая, таким образом, длительный и весьма многотрудный процесс сохранения миропорядка в созданном универсуме.

Образ демиурга как «добротного пастыря» (по выражению Я. Ассмана [1. С. 256]) человечества был, несомненно, весьма актуален на фоне тех многочисленных социально-экономических, а, возможно, еще и природных неурядиц и потрясений, постигших Египет в конце эпохи Древнего царства и во время Первого переходного периода. Подобные «протогуманистические» идеалы вполне гармонично согласуются и с другими частями текста «Поучения», в частности, с советом, даваемым отцом Мерикаре относительно ограничения использования в борьбе с мятежниками такого «сильнодействующего» средства, как смертная казнь (Merikarê, 48—51). Эта мысль получает свое естественное продолжение и в предлагаемой текстом гимна модели «обратной связи» человека и творца посредством храма и религиозного культа, что опять-таки призвано обеспечить близость творца и его творений не только в теологическом, но и в реальном, физическом отношении. Несомненно, что ту же цель преследует и находящееся в финале гимна утверждение о том, что демиург «знает каждое имя», иначе говоря — всегда и везде неразрывно связан со своими творениями.

Есть, правда, в этом гимне один момент, который связывает его не только с общим вектором развития гелиопольской солярной теокосмогонии этого периода, но и в определенной степени сближает его с одним из базовых принципов, на которых основывается теокосмогоническая модель, излагаемая в «Памятнике мемфисской теологии». Это акцентированное внимание на созидательной силе слова, выраженное в данном случае через идею о создании солярным демиургом заклинаний, облегчающих людям удары «руки судьбы», мучающих их кругло-суточно.

Впрочем, в отличие от мемфисского варианта теокосмогонии, концепция «созидательного», или «действенного» слова здесь не носит всеохватного характера, а ограничена лишь областью человеческих отношений; этот пассаж, помимо прочего, еще и, безусловно, призван отразить чрезвычайно большую роль магических заклинаний в повседневной, обыденной жизни человека. Здесь теокосмогоническая концепция уже непосредственно соприкасается с реальной практикой религиозного культа, помогая отыскать «точку соприкосновения» между сферами сакрального и профанного в предфилософском восприятии мира. В рамках полисемии, столь характерной для всех категорий предфилософии, творец и творение не просто не разделены, но теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом,

причем едва ли не главным каналом для осуществления такого взаимодействия является именно религиозный культ.

На примере гимна творцу из «Поучения царю Мерикаре» мы также можем говорить и о некотором изменении общих нормативов дискурса всей древнеегипетской предфилософской мысли. Онтологический аспект Маат (миропорядок) здесь, следовательно, оказывается первичным по отношению к этическому (справедливость); при этом сам справедливый миропорядок всегда представляется в теокосмогонических источниках этого периода как «непрерывное творение». И гимн творцу из «Поучения царю Мерикаре», и заклинание 1130 «Текстов саркофагов» выражают эту важнейшую идею в равной степени адекватно. Сочетая ее с традиционными, «классическими» элементами гелиопольской солярной теокосмогонии, эти тексты в эпоху Среднего царства создают, таким образом, новое и во многом оригинальное направление предфилософского дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Видимо, здесь имеются в виду боги, сопровождающие Солнечного бога в его еженощном путешествии по Дуату в священной барке, или ладье (*yua*), во время которого он вступает в схватку со змеем Апопом.
- (2) То есть о загробном мире, иными словами — о неизбежности смерти.
- (3) СТ VII 461 c — 464 f de Buck.
- (4) Merikarê, 130—138.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ассман Я.* Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. — М., 1999.
- [2] *Франкфорт Г. и др.* В преддверии философии: духовные искания древнего человека. — М., 1984.
- [3] *Assmann J.* Ma'at. Gerechtigkeit und Unsterblichkeit im Älten Ägypten. — München, 1990.
- [4] *The Egyptian Coffin Texts / By A. de Buck.* — Vol. VII. — Chicago, 1961.
- [5] *Volten A.* Zwei altägyptische politische Schriften. Die lehre für könig Merikarê (pap. Carlsberg VI) und die lehre des königs Amenemhet. — Kopenhagen, 1945.

WORLD-ORDER AND JUSTICE IN THE CONTEXT OF ANCIENT EGYPTIAN PRE-PHILOSOPHICAL CATEGORIES OF THE FIRST INTERMEDIATE PERIOD AND THE MIDDLE KINGDDOM

V.V. Zhdanov

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198